

ДРЕВО ЛЮБВИ

расцвело на русском Севере

Обычно артист, ансамбль идут к признанию годами. Однако этот коллектив не успел вылупиться из яйца, как был, что называется, замечен. Успех гастролей в Сочи на фестивале черноморских отран превзошел все ожидания. Выступления в Концертном зале имени Чайковского в Москве хвалили центральная пресса. Санкт-Петербург предоставил гостям Александринский театр. Ждут гастролеров лучшие сцены Новгорода, Мурманска, Петрозаводска... Так сдает свой первый экзамен на зрелость «Русский фольклорный театр» из Череповца.

На его концертах два часа пролетают незаметно. Ты буквально живешь зрелищем, которое преподносят артисты. А показывают они древние обряды наших предков: как святой Егорий по лугам ходит, как крестьяне опахивают деревни, как отмечают «Вербный день» и праздник пастухов...

Уж сколько этого видано-перевидано в исполнении других ансамблей! То-то и оно, что много! Увы, по большей части не натурального, а лишь, так сказать, стилизованного. Когда же перед тобой настоящее, то с душою происходит невероятное. Она, будто следуя за трелью пастушеской свирели, переносится через века и пространства в далекую эпоху младенчества нашего народа. Поэтому в отличие от спектаклей других

театров, где зритель любит зрелище, каждый их жест и фразу, тут характер восприятия иной. Зритель как бы соучаствует в действии.

— Мы не стремимся к нереальной теперь уже цели — заставить людей вновь начать водить хоро-воды, исполнять древние пляски, петь частушки и прибаутки, — делится со мной художественный руководитель «Русского фольклорного театра» Евгений Максимов. — Скорее, вижу задачу в том, чтобы помочь зрителю ощутить собственную историю, традиции — это было и сохранилось в памяти народа...

Высокая степень внутренней свободы, демонстрируемая актерами на сцене, достигается кропотливым подготовительным трудом. На репетициях лица участников — словно после выхода из па-

рилки. Едва ли не все из внешнего оформления, что видит зритель, сделано руками самих артистов: они не просто играют, но и перевоплощаются в народных мастеров-умельцев, которые являются героями самодельных песен. Наконец, в постановках оживает двадцатилетний опыт деятельности самого Максимова.

Он вырос в деревенские Маревка Нижегородской области, своими глазами видел народные гуляния. А по-настоящему «заразился» фольклором, будучи студентом института культуры, когда впервые попал на русский Север. В мезенское раздолье на берегу Белого моря добирался на весельной лодке. В Койде, Долгощелье и других селениях слушал, как бабушки заводили песни. И это было неповторимо. Пение их струило доброту, умиротворенность. «Слушая эти северные песни, — вспоминал худрук, — я становился здоровее и душой, и телом».

Хорошую школу прошел Евгений Павлович в Северном хоре, у профессора Нины Мешковой, — был фольклористом. Вообще же перепробовал самые разные артистические специальности. Исполнял песни с эстрады, был даже

лауреатом Всароссийского конкурса композиторов. И все же фольклор захватил его полностью. Как донести его до зрителя в перевозданном виде? Как, например, передать характер северной женщины, про которую говорят: «смотрит полуглазком, говорит полуротком...»? Цивилизация ныне бесцеремонно вторглась в народный стиль жизни. Современный человек внутренне закрепощен, потому что выбыл из природного ритма не только в физическом смысле, но и в духовном. Можно ли помочь ему расправить крылья?

— Меня часто спрашивают: почему именно театр? То, что театральное, игровое начало глубоко коренится в природе русского фольклора, — про это как-то забывают. Я уж не говорю о таких откровенно театральных формах, как народные драмы «Лодка» или «Царь Максимилиан». Но обратитесь вы хотя бы к обрядам святков. Они ведь тоже театр, действие. Так что мы ничего не придумывали, а взяли то, что есть в жизни... Артисты совершают своего рода фольклорные экспедиции: с видеокамерой, с магнитофоном ездят в глубинные села и записывают тех, кто сохранил северную наро-

дную песню, чаще всего грустную, раздумчивую, но для веселья, а для души. Все это в итоге дает возможность создать спектакли не в стиле «а ля рус», а настоящие, которые вызывают у зрителя не отторжение от фольклора, а сближение с ним.

Почему «Русский фольклорный театр» родился именно в Череповце? Это тоже любопытно. Много лет череповчане пытались открыть в городе государственный театр, но не получалось — не хватало, как обычно, финансов. Только после того, как металлургический комбинат стал акционерным обществом, появилась возможность вкладывать средства в культуру. Государству сегодня такой театр не поднать бы. АО «Сверсталь» смогло это сделать, начиная от предоставления квартир приглашенным по конкурсу актерам и кончая выделением помещения в своем Дворце культуры. Но не нужно думать, что актеры — нахлебники рабочих. Встав на ноги, они сами успешно зарабатывают своим искусством — приглашены на гастроли полно, в том числе и за рубежа.

«Древо любви» — первая постановка театра. Сейчас готовится вторая — «Прощенье воскресенье». На фоне массовой поп-культуры, низкопробной эстрады явление фольклора в театре — своего рода оберег души от порчи и слеза.

Геннадий САЗОНОВ,
соб. корр. «Труда».
ЧЕРЕПОВЕЦ.